

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

УДК 81'373.611

*А. Араева, А. Г. Антипов***МОРФОЛОГИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТИПА****(на материале русских говоров)**

Поиск опорной единицы описания деривационной системности лексики, отразившийся в теории дериватологии в разработанной методологии ономазиологического анализа, привел русское словообразование к выявлению границ словообразовательной системы языка через соотношение синтагматических / парадигматических «осей» функционирования основных уровней семиозиса. Определенные в итоге «поверхностные» и «глубинные» структуры моделирования производной лексики (от морфонологических – до пропозициональных) позволили раскрыть степень изоморфизма соотнесенных с внутренней формой слова основных единиц ее семиотического воплощения.

В предложенной русской дериватологией системной иерархии языковых структур разной степени сложности особое место отводится словообразовательным типам, системообразующий статус которых очевиден в контексте актуальных речемыслительных процессов порождения производной лексики основных функциональных классов. Отражая роль различных уровней языка в актах деривации, словообразовательные типы обеспечивают равновесие динамической системы словообразования, репрезентируя функциональную нагруженность единиц морфодеривационной структуры слова, что отражает в целом степень активности деривационных явлений знака в пространстве языкового сознания.

Как это показано Е. С. Кубряковой, в основе именования лежит когнитивная деятельность человека, формирующая когниции – структуры знаний о том или ином объекте реального мира [Кубрякова, 1988; 1994 и др.]. Языковая картина мира не только отражает действительность, но и отвечает за моделирование определенных фрагментов наивной картины мира. Поэтому такая ономазиологическая категория, как словообразовательный тип не может не быть «ментально-языковой категорией, в границах которой через сложную сеть ассоциаций в пределах пропозициональных структур, на языковом уровне эксплицируемых через формально-семантическую организацию мотивирующих определенных лексико-грамматических классов и мотивированных, оформленных единым формантом, представлен фрагмент языковой картины мира» [Араева, 2002, 23]

Актуальные проблемы изучения словообразовательных типов связаны с уточнением принятого в русистике определения этой комплексной едини-

цы как схемы построения слов определенной части речи, абстрагированной от конкретных лексических единиц, характеризующихся (а) общностью частн речи непосредственно мотивирующих слов и (б) форманта, тождественного в материальном и семантическом отношении [Русская грамматика, 1980, 135].

Наряду с критерием частеречного тождества мотивирующих слов (ср. [Азарх, 1984, 41-42; Земская, 1992, 37], критически осмысливаются и формально-семантические свойства деривационных формантов одного словообразовательного типа [Яценецкая, 1979; Резанова, 1983; Араева, 1994; Антипов, 2001а].

Дискуссионность критериев словообразовательного типа вполне объяснима его динамической онтологией: в неоднозначности, потенциальной «нечеткости» границ этой микросистемы заложены принципы синхронной эволюции деривационного уровня языка. Через взаимодействие мотивирующих различной категориальной семантики формируется мотивационное пространство словообразовательных типов, выделяются мотивирующие классы слов, способные служить основанием оформления новых типов. Различная степень абстракции (категоризации) семантических связей мотивирующих и мотивированных лексем, отмечаемая у фузионных дериватов, предопределяет развитие семантических структур и дифференциацию в границах типов различных семантических моделей деривации. Их оформление средствами словообразовательной морфонологии, образующими морфонологические модели типа, приводит к системной поляризации вариантов модели, соотносимых с тем или иным фрагментом семантической структуры типа, что обладает своим деривационным порождающим потенциалом.

Описание взаимодействия семантических моделей с морфонологическими позволяет выявлять специфику формально-семантической организации словообразовательного типа как микросистемы, прежде всего – «особым образом организованной семантической микросистемы, все звенья которой на глубинном и поверхностном уровнях взаимосвязаны, обуславливая друг друга» [Араева, 1994, 14]. В этом аспекте словообразовательный тип представляет собой систему семантических моделей, реализующих ядерные и периферийные тематические группы деривационно связанных лек-

сем, объединенных обобщенным словообразовательным значением различной степени межуровневой абстракции [Янценецкая, 1979; 1991; Араева, 1994].

В аспекте организации плана выражения деривационных структур словообразовательный тип реализует определенные морфонологические модели, обобщающие формальную структуру производных.

Формальная структура производного слова – это «результат взаимодействия множественности словообразовательной структуры и соответствующих морфонологических характеристик, формирующих фонетический облик слова, его акцентно-слоговую структуру» [Методические рекомендации, 1990, 115-116]. Поэтому морфонологическая модель включает характеристики акцентной, слоговой и фонематической структур, формирование которых происходит за счет действия процессов, происходящих на морфемном шве: разного рода усечений, наращений, чередований и др.

В словообразовании морфонологическая модель как схема описания формальной структуры слова [Макаев, Кубрякова, 1967, 31; Земская, 1973, 192-193; Зуева, 1986, 98; Славянская морфонология, 1987, 5; Методические рекомендации, 1990, 116; Антипов, 1997, 18-19] обобщает информацию о функционировании морфов в границах основы мотивирующего слова, с одной стороны, и в границах словообразовательного форманта, с другой.

Функции морфонологических процессов словообразования позволяют различать мотивирующие и мотивированные основы – маркировать отдельные модели деривации, отмечая наиболее продуктивные из них. Поэтому «анкетные» сведения по морфонологии служат критерием системной продуктивности словообразовательных структур.

Выделяются определенные закономерности функционирования морфонологически маркированных словообразовательных структур.

1. Морфонологические признаки производного слова отражают динамику этого класса языковых форм, что проявляется в формировании у слов, принадлежащих одной или нескольким деривационным историям, разнообразных морфонологических «помет», маркирующих процессы деривации.
2. Морфонологическая маркированность дериватов создается не только за счет регулярного проявления в их структуре альтернирующих сегментов, но и благодаря нарушению морфонологических правил, что создает прецедент взаимодействия фузионных и агглютинативных структур в словообразовательной системе.
3. Морфонологические процессы, указывая на направление отношений производности, дифференцируют словообразовательные структуры в границах комплексных единиц деривации.
4. Разграничивая первичные и вторичные основы, морфонологические процессы маркируют деривационные оппозиции мотивирующих основ и

словообразовательных формантов, выполняя структурообразующие и индексальные функции.

В пределах морфонологической модели обобщаются сопровождающие деривационный акт морфонологические преобразования: нелинейные и линейные, фиксируемые благодаря оппозициям мотивирующего и мотивированного слов. В результате отражается парадигматическая природа функционирования морфонологических явлений в целом.

Парадигматический характер реализации морфонологических процессов позволяет проводить их описание в терминах чередований [Славянская морфонология, 1987; Антипов, 1997].

Чередования фонем в пределах морфемы составляют понятие морфонологического чередования (альтернации), которое определяется как обязательное лишь для отдельных сфер грамматической системы нелинейное звуковое изменение, реализующее чередование сильных фонем [Бернштейн, 1974, 5; Лопатин, 1977, 119; Попова, 1978, 23, 25; Славянская морфонология, 1987, 5 и др.].

Морфонологические чередования всегда обусловлены грамматической (морфонологической) позицией (независимой от фонетических условий), при которой одна фонема замещается другой или сочетанием фонем.

В отличие от звуковых альтернатив, обусловленных фонетической позицией, морфонологические чередования ограничены грамматикосемантическими условиями своей актуализации в структуре слова под влиянием фонологической структуры соседних морфонологических единиц. В этих морфонологически релевантных позициях модифицируется исходная форма морфемной единицы и происходит ее сочетание с другой морфемной единицей, перед которой в исходной форме фиксируется иной фонологический сегмент [Славянская морфонология, 1987, 13]. Избирательность морфонологических чередований, «ограниченных какими-либо грамматическими формами», по сравнению с всеобщностью фонетически обусловленных альтернатив, является, следовательно, их отличительной чертой [Земская, 1973, 79].

Морфонологические чередования являются в целом устойчивыми соотношениями нескольких альтернантов, или отдельных морфонологических сегментов, вступающих в отношения чередования с другими сегментами [Славянская морфонология, 1987, 9]. Однако по степени своей продуктивности чередования могут быть продуктивными, обнаруживающими регулярность, и непродуктивными, сохраняющими регулярность лишь в старых образованиях [Земская, 1973, 79-80].

Каждый из альтернантов реализуется самостоятельной фонемой в пределах соответствующей морфемы, различия морфов которой не могут считаться автоматическими, или фонетически обусловленными [Кубрякова, Панкрац, 1983, 18]. Морфы такой морфемы (алломорфы), обусловленные действием традиционных морфонологических чере-

дований (чередованием сильных фонем в морфеме), находятся в отношениях дополнительной дистрибуции, проявляя избирательность своей актуализации в определенной морфонологической позиции.

В словообразовании фонемные альтернанты отдельных словообразовательных пар (производящих и производных слов) обобщаются в альтернативные ряды, указывающие на деривационную оппозицию слов, которая маркируется при помощи морфонологических средств (переменных частей морфов производящих основ или формантов) [Кубрякова, Панкрац, 1983, 18].

Порядок отношений производности соответствует направлению морфонологического чередования, позволяющему определить исходную форму (ступень) чередования – единицу, по отношению к которой фиксируются изменения в составе членов альтернативы. Для производящей основы – это альтернант, представленный в словарной форме мотивирующего слова, входящий в структуру основного алломорфа (ср.: *рек(а) → реч-еньк(а)*, где *рек-* – основной алломорф, или исходная форма мотивирующей основы, содержащая в своей структуре исходную ступень чередования – <к>).

По характеру фонемного выражения альтернантов альтернативные ряды обобщаются в определенный тип чередования, указывающий на тот или иной класс фонем, а также реализуют отдельный вид морфонологического чередования, отражающий корреляции чередований в структуре слова по тому, какие именно позиции затронуты чередованиями и какие типы фонем вовлечены в альтернирование.

В русском словообразовании морфонологические чередования могут быть представлены как чередованиями фонем, так и их сочетаний. Наиболее продуктивны процессы, затрагивающие предконечные и конечные компоненты морфемного шва, относящиеся к контактной зоне – финальному комплексу, объединяющему конечный и предконечный компоненты основы или инициальный компонент словообразовательного форманта, наиболее близко примыкающие к месту соединения деривационных морфем (ср. [Нещименко, 1980, 34]): 1) чередования фонем внутри или в исходе основы мотивирующего слова; 2) чередования с усечением основы мотивирующего слова; 3) чередования с наращением аффиксального компонента в структуре форманта; ср. диалект.: *овц(а) → овеч-ник, овч-ат/ник*.

Описание данных морфонологических моделей строения производного слова в русских говорах [Антипов, 1997] привело к выявлению семантических сфер функционирования различных морфонологических явлений словообразования, выполняющих индексальные функции в пространстве словообразовательного типа [Антипов, 2001а; 2001б].

Как особая сфера языкового знака, формирующая фонологическую структуру морфем и морфемных последовательностей и использующая формальные различия в семиотических целях, морфонология, с одной стороны, связана с функционированием односторонних единиц плана выражения

(морфоном и субморфов), за счет которых создается преобразование структуры означающего морфонологических единиц, а с другой – ориентирована на план содержания морфемы и слова, поскольку изменение структуры означающего нередко приводит к семантической дифференциации морфонологически противопоставленных языковых форм.

Мотивационное содержание морфонологических моделей суффиксальной деривации в русских говорах, позволяет определить статус словообразовательной морфонологии как одного из явлений вариативности внутренней формы слова [Блинова, 1984, 120-124], усиливающих степень мотивированности производных лексем.

Морфонологическая вариантность основы мотивирующего слова связана с репрезентацией деривационных историй. Морфонология форманта отвечает за семантическую категоризацию дериватов. При этом отмечается различная степень семантической функциональности ведущих морфонологических моделей.

1. Морфонологические структуры дериватов, маркированных чередованиями гласных (*автогѣн ~ автогѣн-щик*), характеризуется усилением тенденции к асимметрии словообразовательной формы, что приводит, в частности, к омонимии словообразовательных структур. Поэтому синтагматическая значимость вокалических альтернатив не является обязательной (ср.: *автогѣн ~ автогѣн-щик, автогѣн-щик*).

Регулярность альтернатив гласных с морфонологическим нулем основывается, напротив, на их сигнификативной значимости – предотвращении омонимии словообразовательной формы. Ср.: *рожь ~ рж-иц(е)* ‘поле, засеянное рожью’; *рожж(а) ~ рожж-иц(а), рожж(ать) ~ рожж-ѣиц(а); ржж(а) ~ ржж-чк(а)*. Закономерна эта тенденция в случае семантической дифференциации однокоренных дериватов (ср.: *ведрѣ – ведѣр-ница* ‘корова’ и *ведрѣ – ведѣр-еник* ‘шкафчик, полка для ведер’).

Морфонологическая маркированность дериватов консонантными альтернативами является средством оформления мотивационно четких дериватов, что компенсирует последствия фузии. Консонантные альтернативы, предсказывая направление отношений словообразовательной производности, обеспечивают минимальную «перегрузку» семиотического кода, направленную на сохранение тождества отсылочной части (ср.: *клубнѣк(а), клубнѣч-н(ый) → клубнѣчн-ик* ‘клубничный пирог’, *клубнѣч-ник* ‘пирог из клубники’). Поэтому, маркируя семиотических признаков мотивирующей основы, консонантные альтернативы являются средством выражения концепта мотивирующего слова, усиливая степень мотивированности производного знака, предсказывая актуализацию идиосем, идентифицируя словообразовательное значение дериватов. Не случайно поэтому, степень продуктивности консонантных чередований прямо пропорциональна степени фузии: чем менее продуктивен морфонологический вариант основы, тем сильнее семантическая оппозиция

между производящей и производной лексемами (ср.: *рук(а)*, *руч-н(ой)* → *руч-(н)ик* 'ручной тормоз', *руш-(н)ик* 'полотенце с вышивкой').

2. Морфонологическая модель усечения не только элиминирует незначимые компоненты словообразовательной формы, затрудняющие правила морфемного шва, но и «оживляет» структуру дефектно членящихся мотивирующих основ (ср.: *картóф/ель* – *картóв-ник*, *картóв-ница*, *морк/óвь* – *морк-óль*, *подбóш/ва* – *подбóш-ник*). Нередко это направление алломорфного варьирования используется в целях дифференциации формальных вариантов слова (ср.: *горшéч-(н)ик* 'тот, кто изготавливает горшки // горшечных дел мастер', *горш(к)-óв/ник* 'тряпка, которой подхватывают горшки').

3. Морфонологическое наращение суффиксального компонента словообразовательных формантов является продуктивной моделью построения дериватов, приводящей к актуализации в границах определенного словообразовательного типа функциональной системы алломорфов суффикса.

Алломорфия аффиксов, связанная с реализацией деривационного потенциала формантов, является ведущей морфонологической тенденцией организации словообразовательных типов. В границах одного типа функционирует, как правило, целая система аффиксальных единиц, находящихся в отношениях морфонологической вариантности. Этот факт фузии обусловлен синкретичностью морфемной и словообразовательной структур русского производного слова. В частности, нестрогая дифференциация морфонологических позиций суффиксальных алломорфов русского языка восполняется их семантической регулярностью – ролью в стратификации определенных типов языковых значений. В итоге вариативность аффикса, обусловленная не только грамматическими, но и семантическими позициями [Лопатин, 1977, 279-283], служит средством создания функциональных пространств одноформантной лексики.

«Синтагматические изменения (наращения) одного морфа в сравнении с другим обретают парадигматическую логику своей организации в границах семантических микросистем (словообразовательных типов и их таксономий), организующих стремление переменных фонологических компонентов морфонологической структуры форманта (его наращений) к идентификации особых функций в иерархии семантических признаков производного знака» [Антипов, 2002, 49].

Функционирование алломорфов как морфонологических маркеров внутритиповых таксономий связано с формированием в структуре словообразовательного типа системных оппозиций – особых зон внутритиповой деривации, маркированных алломорфными единицами морфонологической модели типа. Их системная поляризация отражает (1) морфонологические правила вариативности форманта и (2) семантические функции алломорфного варьирования.

В ономаσιологическом аспекте морфонологическая вариативность словообразовательных фор-

мантов позволяет эксплицировать различные принципы номинации и модусы прагматики, имеющие выражение в структуре слова и словообразовательной системе.

Рассмотрение производных дериватов, маркированных алломорфией аффиксов, позволяет опередить, как при помощи морфонологических средств деривации реализуется символический механизм номинации.

Освещение данного аспекта морфонологии эксплицирует проблему внутренней формы слова, поскольку как особый мотивационный уровень знака морфонология не может не отвечать за связь представление понятия в структуре языкового содержания.

Развивая в слове свойства семантико-морфонологической мотивированности, алломорфное варьирование аффикса отражает тенденции морфологической прозрачности и образности слова, усиливая степень эмотивности его внутренней формы. Поэтому фонетическая мотивированность алломорфии суффикса представляет собой случай «вторичного звуко-символизма»: «Стремление словообразовательной формы к семантической категоризации проявляется во всех случаях усложнения поверхностной структуры дериватов, испытывающей фонологическую суггестию знака. Фонологическая форма как бы оказывает давление на нюансы семантических интерпретаций, обоснованные функциями означающего» [Антипов, 2002, 48].

Специфика функционирования алломорфов суффикса в словообразовательном типе зависит от ряда факторов:

- 1) большей избирательности морфонологических позиций;
- 2) меньшей предсказуемости фонологических условий варьирования;
- 3) значимости полимотивационных факторов алломорфии;
- 4) функциональной семантики форманта разной степени абстракции;
- 5) различных типов мотивированности производного слова [Антипов, 2002, 53].

В русских говорах стремление словообразовательной формы к семантической категоризации проявляется в различных тенденциях усложнения структуры суффиксального форманта.

При дополнительной суффиксации нечленимая или дефектно членимая языковая форма приобретает черты структурно мотивированной, категоризованной за счет новых средств деривации (ср.: *могíль-ник* '1) могила, 2) место захоронения животных'; *махóр-ник* '1) махры, 2) старьевщик').

При суффиксальном повторе отмечается усиление семиотических свойств производности за счет добавления аффикса к слову, содержащему показатели категориального значения, поэтому вторичная категоризация воздействует на семантическую структуру слов с «двойным» суффиксом. В результате однокоренные дериваты противопоставляются в семантической микросистеме словообразовательного типа, эксплицируя ономаσιологиче-

ские модели регулярной полисемии (ср.: *холст-ина*, *холщ-ина* 'ткань из холста', *холщ-ин/ина* '1) ткань из холста, 2) холщовая одежда').

Тенденции вторичной суффиксации детерминированы уточнением семантической категоризации, сужением общего словообразовательного значения форманта (ср.: *кедр-áč*, *кедр-ач/ук* 'кедровый лес'). При этом полифункционализм аффиксов позволяет словообразовательным формантам функционировать в качестве средств структурной мотивации (ср.: *молокán*, *молок-án/ник* 'приемщик молока').

Алломорфное варьирование суффикса связано с усилением в структуре дериватов свойств семантической категоризации. Варианты форманта эксплицируют через субморфные наращения идиосемы семантической структуры дериватов, выступая в качестве средств семантической категоризации – отождествления классов референтов в границах (а) одной ономаσιологической категории (или субкатегории); ср.: *налив-ник* 'блин или оладья, намазанные сверху сметаной' – *налив-ай/ник* 'пирог из черной муки, политый сверху жидкой начинкой, – наливай' – *налив-аи/ник* 'ватрушка из пресного или кислого теста с жидкой начинкой – наливай'; (б) частично противопоставленных ономаσιологических категорий; ср.: *корóв-ник* '1) тот, кто продает коров, 2) тот, кто скупает коров, 3) белый гриб, 4) подосиновик' – *коров-ят/ник* '1) тот, кто продает коров, 2) шкура коровы'; *мош-ник* '1) тот, кто добывает и продает мох, 2) тетерев-глухарь, 3) птица из породы самых больших глухарей, 4) тетерев' – *ми-ар/ник* '1) утепленный мхом хлев, 2) болото'; (в) полностью противопоставленных ономаσιологических категорий; ср.: *мош-ник* в значениях имен лиц и натурфактов – *ми-ан/ник* '1) теплый хлев для скота, 2) хлев для овец, 3) кладовая для хранения овощей, зимовки пчел, 4) нежилая комната с утепленными мхом стенами, используемая как кладовая для хранения пищи'.

Подобные примеры позволяют проследить, что в актах номинативной деривации морфонологическая вариантность производного слова выполняет мотивационные функции.

1. Функционируя в пределах тождественных семантических сфер типа, алломорфы вступают в отношения конкуренции, которые проявляются в том, что разные морфы суффиксального компонента словообразовательного форманта получают деривационную значимость, участвуя в выражении лексико-словообразовательных значений.

2. Актуализация алломорфов релевантна в семантической микросистеме словообразовательного типа, поскольку алломорфия суффикса приводит к семантическим сдвигам, формированию семантических расстояний между дериватами одного тематического класса или даже одной тематической группы.

Представляя собой разновидность внутритиповой словообразовательной синонимии, алломорфия суффикса сигнализирует о семантических оппозициях дериватов в границах типа. При этом диф-

ференциация морфонологических вариантов формантов обязательно идет через их семантическое тождество, которое изначально характеризуется потенциальным «распадом» в силу своей представленности в частично тождественных по форме дериватах. Это приводит к достаточно глубоким семантическим расхождениям в семантической структуре дериватов, нередко развиваемой по моделям регулярной полисемии, что объясняется необходимостью дифференциации дублетов, развитием пропозициональных и лексико-семантических аспектов словообразовательного типа.

В процессе семантической поляризации алломорфов противопоставляются наиболее релевантные темы и ономаσιологические сферы деривации. Поэтому семантические функции морфонологических моделей свидетельствуют в моделирующем потенциале данных единиц словообразовательной морфонологии в пространстве языковой картины мира.

Литература

1. Азарх, Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка / Ю. С. Азарх. – М., 1984.
2. Антипов, А. Г. Русская диалектная морфонология: проблемы описания: учеб. пособие / А. Г. Антипов. – Кемерово, 1997.
3. Антипов, А. Г. Алломорфное варьирование суффикса в словообразовательном типе (на материале русских говоров) / А. Г. Антипов. – Томск, 2001а.
4. Антипов, А. Г. Словообразование и фонология: словообразовательная мотивированность звуковой формы / А. Г. Антипов. – Томск, 2001б.
5. Антипов, А. Г. Морфонологическая категоризация словообразовательной формы: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Кемерово, 2002.
6. Араева, Л. А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема: суффиксальные субстантивы (на материале русских говоров) / Л. А. Араева. – Кемерово, 1994.
7. Араева, Л. А. Истоки и современное осмысление основных проблем русского словообразования / Л. А. Араева // Лингвистика как форма жизни: сборник научных трудов, посвященный юбилею проф. Л. А. Араевой. – Кемерово, 2002.
8. Бернштейн, С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков / С. Б. Бернштейн. – М., 1974.
9. Блинова, О. И. Явление мотивации слов: лексикологический аспект: учеб. пособие / О. И. Блинова. – Томск, 1984.
10. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. – М., 1973.
11. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М., 1992.
12. Зуева, М. Ю. Морфонология словообразовательных цепочек в современном русском языке (на материале предметных существительных):

- автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1986.
13. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М., 1988.
 14. Кубрякова, Е. С. Производное слово как языковая структура представления знаний / Е. С. Кубрякова // Английский лексикон и структуры представления знаний: сборник научных трудов МГЛУ. – Вып. 429. – М., 1994.
 15. Кубрякова, Е. С. Морфонология в описании языков / Е. С. Кубрякова, Ю. Г. Панкрац. – М., 1983.
 16. Лопатин, В. В. Русская словообразовательная морфемика / В. В. Лопатин. – М., 1977.
 17. Макаев, Э. А. О предмете и задачах морфонологии и ее месте среди других лингвистических дисциплин / Э. А. Макаев, Е. С. Кубрякова // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М., 1967.
 18. Методические рекомендации по сбору, классификации и анализу производной лексики говора. – Кемерово, 1990.
 19. Нецименко, Г. П. Очерк деминутивной деривационной системы в истории чешского литературного языка (конец XIII – середина XX вв.) / Г. П. Нецименко. – Praha, 1980.
 20. Попова, Т. В. Глагольное словоизменение в болгарском языке: морфонологический аспект: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1978.
 21. Резанова, З. И. Словообразующие возможности существительного: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1983.
 22. Русская грамматика. – М., 1980. – Т. 1.
 23. Славянская морфонология: субстантивное словоизменение. – М., 1987.
 24. Янценецкая, М. Н. Семантические вопросы теории словообразования / М. Н. Янценецкая. – Томск, 1979.
 25. Янценецкая, М. Н. Введение // Семантические вопросы словообразования: производящее слово / М. Н. Янценецкая. – Томск, 1991.